
Уроки начинались в два тридцать, а предупреждающий звонок гремел за десять минут до этого, в два двадцать. Аккурат под его дребезжание староста по математике приволок в класс стопку тетрадей и, разбив её на небольшие пачки, раздал сидевшим скраю ребятам для дальнейшего распределения.

Из прохода между первым и вторым рядами кто-то небрежно швырнул тетрадку. Руань И в этот момент как раз вставал с места, держа в руках проверенную работу Линь Хэлая, и тетрадь шлёпнулась прямо к его ногам.

В следующую секунду на обложку опустился тяжёлый кроссовок. Его обладатель наступил всей тушей, даже не заметив, и прошагал дальше.

Сморщившись от этой картины, Руань И наклонился и поднял тетрадь. На помятой обложке стояло имя: Линь Хэлай.

Парня, раздавившего тетрадь, звали Чжан Цзымин. О нём на днях с упоением шепталась Тун Тун.

В Шестой средней школе Цзымин давно снискал дурную славу. Парни из его класса даже по имени его называть боялись, с подобострастием кликали Братом Леопардом. На втором году старшей школы этот «Леопард» раскроил табуреткой голову учителю, за что из школы его выперли. Правда, откопали лазейку: он вернулся в хорошую неполную среднюю школу, заново отучился там девятый класс, а потом благополучно пролез обратно в Шестую среднюю школу — уже в качестве первогодки.

Смахнув грязь с обложки, Руань И вместе с работой направился к парте Линь Хэлая.

Тот стоял в проходе, намертво вцепившись пальцами в лямки рюкзака, натянутый словно струна.

Парта Хэлая оказалась зажата соседями спереди и сзади так плотно, что осталась лишь узкая щель. Втиснуться туда физически было невозможно, вот юноша и застыл столбом.

А сидевшие рядом одноклассники как ни в чём не бывало перешучивались с соседями.

Подойдя ближе, Руань И бросил парню, сидевшему сзади Хэлая:

— Парту назад отодвинь.

Шум вокруг мгновенно стих. Даже те, кто раздавал тетради, замерли, уставившись на них.

Под десятками взглядов сидевший сзади пацан скривился. Не желая пасовать, он вскинул голову, пару секунд мерил Руань И злым взглядом, а потом рывкнул:

— Тебе-то какое дело, блять?! Не твоё место, нахрен ты суёшься...

— Отодвинь сам, — перебил его Руань И. — Или я помогу. Ногой.

Сосед вытаращился:

— Да ты, блять, охуе...

Прозвенел звонок на урок.

Тратить время на препирательства Руань И не собирался. Он сдвинул стопу, готовясь к удару.

В своё время Лу Бинчэнь учил его правильной технике — как вложить максимум силы в импульс движения. Этим ударом Руань И вполне мог расколоть деревянную парту пополам.

Сосед, видимо, уловил его намерение: глаза его шало блеснули, и он, сквозь зубы матерясь, всё же оттащил свой стол назад.

Заметив это, сидевший спереди тоже поспешил подвинуть стул ближе к своей парте.

Руань И отдал Линь Хэлаю материалы и вернулся на место.

Следующим уроком снова шла математика. Когда в класс вошла Яо Сяоянь, Хэлай только-только расправлял зазор между столами и даже не успел присесть.

С грохотом швырнув поурочный план на трибуну, Учительница Яо тыкнула указкой в сторону ученика и визгливо забормотала:

— Урок уже начался, ты чего там копаешься?! Не хочешь учиться — вали отсюда!

Линь Хэлай растерянно замер.

Сяоянь сошла с кафедры, чеканя шаги:

— Тебе особое приглашение требуется?!

Подскочив, она заграбастала Хэлая за воротник и выдернула из-за парты:

— По-человечески понимаешь, нет?!

— Учитель Яо, — Руань И не выдержал и поднялся со своего места. — Вы бы лучше спросили у соседей Линь Хэлая, что они устроили, раз он до сих пор не смог сесть.

Брат Леопард медленно развернулся и одарил Руань И ледяным взглядом.

Ещё когда Руань И заставил сидевшего сзади оттянуть парту, тот постоянно косился куда-то вправо-вперёд. Сначала Руань И не понял, на кого тот оглядывается, но теперь, после встречи глазами с Братом Леопардом, все пазлы сложились.

Похоже, травлю Линь Хэлая в классе возглавил именно Брат Леопард.

Мысли об этом закрались ещё утром, когда Руань И просил у Хэлая работу. Вся спина парня была истыкана гелевыми ручками — синими, чёрными, красными точками и росчерками, где-то жирными, где-то едва заметными. Учёба началась всего неделю назад, а классу уже нашли «мишень». Чтобы толпа вот так слаженно принялась за одного без чьей-то указки сверху — верилось с трудом.

Яо Сяоянь опешила. Спустя пару секунд её глаза налились гневом:

— Ты меня учить вздумал?!

По её перекошенной физиономии Руань И сразу понял, что последует дальше. Не дожидаясь продолжения, он спокойно сгрёб ручку с задачником и под её визгливое: «Вон отсюда!» направился к двери.

Подложку для тетради он везде найдёт, зато без воплей этой Демоницы хоть голова свежее будет.

Наблюдая, как Руань И уходит без малейшего колебания, Яо Сяоянь вспыхнула подобно пороховой бочке.

Схватив со стола увесистую папку с поурочным планом, она со всей дури швырнула её в спину ученика:

— Наглец! Думаешь, самый умный?!

Едва Руань И ступил на порог, сзади послышался шелест рассекаемого воздуха. Инстинкты

сработали мгновенно — он уклонился. Папка со свистом врезалась в обитую железом дверь. Раздался оглушительный треск, от сильного удара створка отскочила и с грохотом ударилась о стену.

Несколько секунд в классе стояла гробовая тишина, лишь гулкое эхо гуляло по кабинету.

Тун Тун ошарашенно прошептала:

— Вот это да... Это ж надо было такую тяжеленную фолиантину так запустить!

— Учителю Яо в математике тесно, — еле слышно пробормотал кто-то из ребят. — Ей бы диски метать. Этот бросок был эффектнее всех её лекций вместе взятых.

Яо Сяоянь впилась в Руань И испепеляющим взглядом. Поняв, что подбирать её документы никто не собирается, она побагровела от злобы:

— Бесплезное чучело! Пошёл вон!

Руань И вышел из кабинета, поднялся на дальний лестничный пролёт, куда не долетал её визг, и, усевшись на ступеньку, разложил задачник на коленях.

Едва прозвенел звонок, Линь Хэлай бросился к нему.

Руань И защёлкнул колпачок ручки и подставил взгляд под растерянный вид парня, не совсем понимая, с чего начать.

Травля и отчуждение были ему знакомы не понаслышке. Когда ему едва исполнилось три года, мать, Руань Инун, сбежала с каким-то богатеем. С того дня пересудам соседей не было конца. Сдавали наперебой: дескать, Инун давно гуляла направо и налево, а Руань И — нагулянный убудок. Отец, Лян Сюй, поверил злым языкам и сменил мальчику фамилию с Ляна на Руань.

Это окончательно поставило клеймо. Ни один ребёнок во дворе больше не желал с ним играть — шептались, мол, он «грязный». Руань И мог до блеска отмыть лицо и накрахмалить сорочку, но прочие ребята при его появлении всё равно зажимали носы, корчились от наигранной тошноты и со сдавленными воплями: «Фу, какой тошнотворный!» разбежались кто куда. А отбежав, оборачивались и демонстративно плевали в его сторону.

Дела давно минувших дней, Руань И предпочитал об этом не вспоминать.

Взглянув на застывшего Хэлая, он смягчил тон:

— Хотел что-то сказать? Если «спасибо», то не стоит.

Линь Хэлай поджал губы, его ресницы вздрагивали:

—...Прости меня.

— За это тем более не надо, — ответил Руань И. — Да, формально всё началось из-за тебя, но выгнала она меня не по твоей вине. К тому же, мне абсолютно всё равно.

И это было правдой — инцидент не задел его ни капли.

За спиной раздался короткий смешок:

— Руань И, это ещё кто?

Сердце Руань И ёкнуло. Обернувшись, он увидел Лу Бинчэня. Тот стоял двумя ступенями ниже, засунув руки в карманы брюк, и с едва уловимой, натянутой ухмылкой снизу вверх вперил в него взгляд. Глаза Бинчэня напоминали грозное небо — тёмное, наливающееся свинцовой тяжестью перед бурей.

Стоило Линь Хэлаю встретиться с ним взглядом, как волна липкого холода пробрала его до самых пят.

— Возвращайся в класс, — тихо попросил Руань И.

Хэлай сбежал по лестнице. Дождавшись, пока его фигура скроется в коридоре, Руань И сухо спросил:

— Что тебе нужно?

— Вообще-то я пришёл извиниться за обеденную выходку. Понимаю, что перегнул палку: и языком распустился, и руками распускаться стал... — Бинчэнь хмыкнул, качнув головой. — Хотя к чему эти излияния? Тебе ведь плевать. Что бы я ни делал, как бы ни подлизывался или ни давил — ты и словом не обмолвишься. Ты меня просто на дух не переносишь. Мечтаешь, чтобы я провалился сквозь землю, да?

«Вот и вспылел богатый барчук», — подумал Руань И. Он несколько дней подряд игнорировал Бинчэня, избегал встреч, давал отворот-поворот, и терпение молодого господина окончательно лопнуло. Если честно, Руань И удивлялся, как тот продержался так долго.

Цзян Цзяньяо как-то обронил: ещё с малых лет любой, кто осмеливался встать у Лу Бинчэня на

пути или задеть его гордость, неизбежно платил за это. Привыкшему к всеобщему поклонению и угодничеству взбеситься от дерзости какого-то парня было делом пары дней.

Но с какой стати Руань И должен был лебезить перед ним? Он у Бинчэня в долг не брал, на его миллионы не зарился и гладить его по шерсти не собирался.

Не произнеся ни слова, Руань И попытался обойти его.

Но Лу Бинчэнь мёртвой хваткой вцепился ему в запястье.

От резкой боли Руань И скривился и без раздумий резко лягнул Бинчэня под колено.

Такой удар сбил бы любого, но Лу Бинчэнь лишь покачнулся и застыл как вкопанный, даже не поморщившись.

Спустя мгновение он потянул руку Руань И к собственной груди.

— Я искал повод сойтись с тобой — ты отталкивал. Я признался в чувствах — ты разом всё перечеркнул. Я принёс тебе обед — так ты еле согласился съесть пару ложек, будто одолжение сделал.

Прижав ладонь Руань И к своей грудной клетке, Бинчэнь тихо шепнул:

— Почувствуй. Моё сердце тоже из плоти и крови. Ты крошишь его в труху, оно разрывается от боли.

Руань И попытался вырвать руку, но Бинчэнь сжал её ещё сильнее.

— Руань И, ты мне нравишься. Знаю, тебе мои чувства до лампочки, да и сам я, небось, кажусь каким-то извращенцем... Или думаешь, после моих прошлых выходков я несу бред и неискренен с тобой? Но я правда люблю тебя. С самой первой минуты, как увидел. Если моя развязность тебе противна — я изменюсь, буду вести себя так, как ты захочешь, — Лу Бинчэнь впился в него серьёзным, молящим взглядом. — Просто дай мне шанс. Разреши мне ухаживать за тобой. Пожалуйста.

Глядя на Лу Бинчэня, Руань И с горечью осознал, какая пропасть лежит между людьми.

Вот почему Бинчэнь распоряжался миллиардами, а ему, Руань И, в прошлой жизни только и оставалось, что работать швейцаром при отеле. Честно говоря, прозвучи эти слова из уст любого другого человека, Руань И тронуло бы до глубины души.

Столько пыла, столько откровенности и искреннего пламени... Кто бы мог подумать, что всё это — лишь искусная фальшь?

В прошлой жизни Бинчэнь изменил ему ровно через три месяца после того, как они начали встречаться. В тот период Лу Бинчэнь ссылаясь на завал по работе и не появлялся дома две недели подряд. Руань И не хотел навязываться, но в тот день у него был день рождения. Сидя в пустой, нетопленной квартире, он долго смотрел на остывшую плиту. Тоска сжимала горло, и, чтобы хоть как-то разогнать одиночество, Руань И сварганил две порции праздничной лапши долголетия, упаковал в термосы, прихватил небольшой фруктовый торт и отправился в офис к Бинчэню — надеялся разделить с ним хотя бы скромный ужин.

У входа он столкнулся с ассистенткой:

— Сяо Дун, Бинчэнь у себя?

Увидев его, девушка заметно смутилась:

— Господин Лу... он уехал ещё после обеда. Простите, господин Руань...

Ручка термоса в пальцах Руань И будто налилась свинцом. Подавив подступившую горечь, он выдавил вежливую улыбку:

— Понятно. Передайте ему тогда торт, когда вернётся. А лапша размокнет, я её лучше заберу обратно.

Сяо Дун посмотрела на него со смешанным чувством жалости и неловкости. Забрав коробку с тортом, она тихо произнесла:

— С днём рождения, господин Руань.

На улице бушевала метель. Офис Лу Бинчэня располагался в самом сердце делового центра, и Руань И добирался туда на такси, но из-за пробок вышел на полпути и брёл пешком сквозь ледяной ветер. Промокшая одежда успела встать колом, но эта застывшая на ветру грязь не шла ни в какое сравнение с унижением, которое он ощутил под сочувственным взглядом чужого человека.

Сжав термос, Руань И шагнул обратно в снегопад.

Толкаясь в вечерней давке, он сменил три ветки метро, прежде чем добрался до дома.

Сняв крышку, он обнаружил, что лапша слиплась в один плотный ком. Проглотив единственный комковатый кусок, Руань И безжалостно выбросил остатки в ведро.

А спустя пару дней на страницах газеты красовался снимок: Лу Бинчэнь в обнимку с какой-то восходящей звездой эстрады. Кадр получился смазанным, но из-за густого падающего снега смотрелся удивительно кинематографично — словно эстетичный стоп-кадр из дорогой драмы.

<http://bllate.org/book/20540/2108831>